Советская Калмыкия сегодня

Газета социальной защиты

№22(68)
Декабрь 1999 года

Счастья вам всем, хотя бы в Новом году!

Предложение посетить Элисту свалилось на нас, журналистов еженедельника «Петербургский Час пик», весьма неожиданно — просто однажды в нашей редакции раздался телефонный звонок из Москвы, и вежливый женский голос, принадлежащий, как выяснилось, секретарю Российского союза журналистов Софье Дубинской, сообщил, когда именно нас ждут в Элисте — с вещами. Первым порывом стало нетерпеливое копошение в атласе Российской Федерации, а потом натужные измерения с линейкой расстояний от Питера, Грозного и Волгодонска. Выяснилось, что Элиста — это далеко, а значит — интересно.

Место трагедии — вот на этих сопках было спрятано тело Ларисы Юдиной. Памятник, увы, напоминает не об этом — на камне стоит шахматный слон.

Широка страна моя родная

Потом начались не менее судорожные копошения в собственной памяти. Наши познания о республике Калмыкия оказались позорно скудны — мы знали, что там очень популярны шахматы и буддизм, много степей и мало воды, а местное население пьет исключительно чай — калмыцкий. Еще мы вспомнили, что там убивают журналистов, и это последнее обстоятельство нас несколько смутило.

Порывшись в подшивках петербургских газет, мы сразу наткнулись на свеженькое интервью на целую полосу в городской молодежной газете «Смена». Интервью было с президентом Калмыкии Кирсаном Илюмжиновым, и было оно, прямо скажем, весьма подобострастным. Мы узнали, что молодой президент исключительно честен, очень умен и безудержно любим своим народом.

Еще там, правда, довольно невнятно, упоминались некие внешние вражеские силы, занимающиеся сплошным очернительством ситуации в республике. Судя по описанию, вражеский центр находился в Москве, а филиалы разбросаны по всему миру, от Парижа до Нью-Йорка. Занимаются враги подкупом прессы и некоторых местных жителей Калмыкии.

В логове

В логово врага, в столичное представительство Союза журналистов России, мы прибыли в понедельник, заранее растопырив кошельки в предвкушении подкупа. Увы, подкупать прессу там не спешили — нам выдали деньги на авиабилеты, а также суточные из расчета 55 рублей в день на человека и попрощались.

Возможно, читатель Элисты не в курсе, поэтому мы сообщим: чашечка кофе в столичном аэропорту стоит 30 рублей, так что вопрос, кто там кого подкупал, остается открытым.

(Окончание на 6-й стр.)

колонка политика

«Тут, конечно, нет вины Путина. Просто нас уже приучили: как только правительство начинает говорить про экономический рост, мы не радуемся — пугаемся. Значит, опять за нас примутся. Начинаем думать про непосильное увеличение арендной платы, про дикие налоговые облавы, про другие способы отжимать наши карманы досуха. Григорий Алексеевич, может ли экономика расти так, чтобы люди при этом не беднели, а наоборот?»

В. КЛИМОВ, предприниматель
г. Рязань

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: Приходим в себя после мамаева побоища

Объективно обстоятельства сейчас образовали серьезные предпосылки для проведения очень эффективной экономической политики. Первая — мировые цены на нефть — самые высокие за последние пятнадцать лет. Они примерно в 3,5 раза выше прошлогодних. Вторая предпосылка — девальвация, произошедшая после кризиса 17 августа, была очень болезненной для всех нас, но в то же время она открывает возможности для значительного роста производства. И третья — у премьер-министра Путина появился некий кредит доверия.

Сознательно не хочу говорить о том, в каких отраслях и на какой процент растет производство. Когда прожиточный минимум перевалил за тысячу рублей в месяц, а у четырех из каждых пяти граждан доходы ниже этого уровня, считаю нечестным успокаивать их. Не все же знают, что статистика всегда показывает тем большие приросты, чем глубже было падение перед этим. Но вот что хочу заявить совершенно определенно. Обстоятельства сложились исключительно удачно. Такой момент может не повториться в ближайшие 10—20 лет. Если бы правительство смогло им воспользоваться, мы через год, а то и через 8—10 месяцев своими глазами, без всякой статистики увидели бы экономический рост. Когда большинству людей пусть поначалу и ненамного, но все же жить становится легче.

Обстоятельства — новые. Но проблемы остались прежние. И ни одну из них — в этом наше отличие от более благополучных стран — нельзя решать изолированно, в отрыве от других. Скажем, никакая, даже самая лучшая экономическая программа у нас не может быть реализована, если одновременно не вести отчаянной борьбы с коррупцией. Все, что даст экономика, будет тут же разворовано. Поэтому, рассматривая экономические шаги, которые должно предпринять правительство, мы обязательно говорим и о том, без чего эти шаги попросту невозможны.

Так, мы настаиваем, что подъем экономики надо начинать с укрепления российской государственности. Речь не только о том, чем сейчас вплотную занимаются премьер-министр и силовые ведомства — отстаиванием целостности России на Северном Кавказе. Речь и о наших восточных границах, через которые каждый год утекает морепродуктов на полтора миллиарда долларов. О таможнях на западных границах, где мы теряем по 3,5—4 миллиарда долларов. И о федеральном присутствии в российских регионах, где расходуется 52 процента средств госбюджета, и никто в Москве не знает, на что они тратятся.

Что же касается непосредственно экономических задач, то наши рекомендации сводятся к такой тактике. Все, что должно содержать государство, — образование, медицину, армию, службы безопасности и т. д. — можно финансировать на основе бюджета, доходы которого в значительной мере формируются за счет природных ресурсов, которыми мы располагаем. А перерабатывающие отрасли, машиностроение, где продукт создается, условно говоря, талантливыми головами и квалифицированными руками, поднимаем за счет исключительно благоприятного для них экономического режима. В первую очередь — за счет резкого сокращения налогов. При этом — никаких новых внешних долгов, но и никаких новых кредитов соседям из нашей казны.

Мы предложили правительству проект бюджета, отражающего именно такую тактику. Сопротивление экономической команды, доставшейся по наследству нынешнему премьер-министру, не дает возможности полностью провести в жизнь наши идеи. Думаю, эту команду надо менять. Мы предлагаем свои услуги. Окажется возможным взять в свои руки главные направления работы — сами будем идеи и осуществлять.

ВПЕРЕД К ФЕОДАЛИЗМУ

Если кто-то попытается отыскать в «Концепции приоритетных направлений развития экономики республики Калмыкия на среднесрочную перспективу» какие-то шаги, способные удержать республику от обвала — потратит время зря.

Самое основное, ради чего, по моему мнению, и задумывалась концепция, находится в подразделе 2.4. «Реформирование системы государственно-административного управления — как основной ресурс управления экономикой».

Еще несколько лет назад по кабинетам Белого дома бродила идея укрупнения районов и создания на их основе улусов. В то время она кому-то показалась слишком уж экстравагантной и несвоевременной, и поэтому она была отложена, но, как теперь мы видим, не задвинута. Из преамбулы упомянутого подраздела следует, что сегодня «...необходимо провести реформирование системы управления в районах и создать муниципальные образования на уровне районов, в свою очередь ликвидировать муниципальные образования на уровне сел, поселков, городов».

Институт представителей президента сохраняется, но вроде бы у них должны быть иные функции и полномочия. А теперь — внимание! «В этой связи предлагаются предложения по группировке районов в пять экономических зон...»

Вот наконец-то улусская идея дозрела и преподнесена в виде благозвучных экономических зон. Не знаю, насколько точно соответствует деление на зоны границам существовавших когда-то улусов, но стремление посадить каждого сверчка на свой шесток — очевидно. Но вернемся к концепции: «Соответственно, необходимо сформировать органы республиканской исполнительной власти (представители президента) на уровне создаваемых экономических зон.

Полномочия представителя президента РК включают в себя: (Уважаемый читатель! Постарайся вникнуть в то, что будет написано ниже, вникнуть и как-то осознать.)

— владение, пользование, распоряжение государственной собственностью в границах экономической зоны».

Но отвлечемся на время от концепции. Давно, осенью 1993 года, на заседании парламента тогдашний заместитель председателя В. Сергеев обратился с трибуны к президенту Илюмжинову: «Ваша светлость!» Обращение тогда не прижилось, но слова, очевидно, запали в душу.

Мне рассказывали сотрудники Калмыцкого института гуманитарных исследований, что покойный директор К. П. Шовунов получил задание найти чингисидские корни Илюмжиновых, позже от него потребовали отыскать хотя бы ханское начало. Но если ничего нет, но очень хочется, то почему явочным порядком не решить этот вопрос. Вот уже и одежонку пошили соответствующую. Старики говорят, что Илюмжинов на Джангариаде ну прямо-таки ханом смотрелся. Да и в Элисте уже говорят: не президент, а хан. Теперь дело за окружением.

«Полномочия представителя президента включают в себя (это опять концепция):

— распределение субсидий, дотаций, субвенций муниципальным образованиям. (Вот так вот: хочу — дам, хочу — не дам);

— ...рассматривает и учитывает в своей деятельности предложения органов местного самоуправления, сообщает им результаты рассмотрения;

— определяет условия и порядок приватизации государственных предприятий, государственного имущества».

Осталось еще вменить в обязанность представителям президента введение чрезвычайного положения и объявление всеобщей мобилизации во вверенной ему экономической зоне.

Что там Ельцин со своими полномочиями!

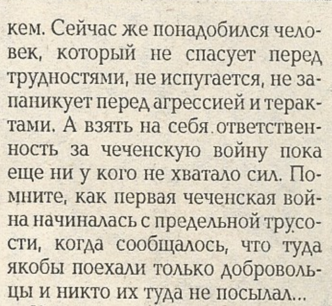
Все это можно было бы расценить как неудачную шутку илюмжиновских клевретов, но на заседании правительства, состоявшемся 18 ноября, было сообщено, что концепция уже утверждена президентом.

Что ж, все верно. Когда верхи не хотят навести порядок в подведомственных территориях, там могут наводить все что угодно, в том числе ускоренно продвигаться вперед. К феодализму.

Г. ЮДИН

СИЛЬНЫЕ МУЖЧИНЫ РОССИИ

признали в Путине своего лидера

Про Владимира Владимировича Путина нельзя сказать, что он «человек никакой». Общество, до недавнего времени равнодушно взиравшее на директора ФСБ (вряд ли многие его знали в лицо), разделилось на поддерживающих суперактивные действия нового премьера и на критично настроенных к преемнику Ельцина. Профессор Петербургского университета, заведующий кафедрой политической психологии Александр ЮРЬЕВ признался, что давно невольно наблюдает за политической карьерой Владимира Путина. С ним мы и решили поговорить о зигзагах судьбы бывшего контрразведчика и обсудить политические перспективы нынешнего премьера.

– Александр Иванович, говорят, что у всех сотрудников спецслужб есть двойное дно. Чем Владимир Путин – чекист отличается от Владимира Путина – премьера? А может быть, существует еще и третий Путин – просто человек?

— Во-первых, двойное дно есть у каждого человека. Во-вторых, в политической психологии человек всегда рассматривается как нечто единое и целое по отношению к той работе, которую он в настоящий момент выполняет. Поэтому для меня в отдельности переменные бывший чекист, администратор или просто семьянин как отдельные части жизненного опыта Путина просто не существуют.

– Когда Путина назначили председателем правительства, многие считали, что он не имеет никакого отношения к политическому процессу, а как экономист – просто пустое место. И преуспеть бывший директор ФСБ может только во время боевых действий на Северном Кавказе. Путин – типично «военный премьер»?

— Если так подходить к любому руководителю, то не удастся найти даже одного, не вызывающего сомнений. Не бывает идеала. Психология рассматривает человека с других позиций, оценивает темперамент, свойства личности, направленность, чтобы объяснить способность человека выполнять ту или иную роль, здесь политическую, общественно-государственную. И я могу уверенно заявить, что весь предыдущий опыт Путина работает на выполнение той задачи, которая перед ним поставлена. В данный исторический период спецслужебное прошлое не только не мешает, а, наоборот, способствует его нынешней деятельности.

– То есть потребность в таких людях, как Владимир Путин, появилась именно сегодня?

— Великая смута в России началась где-то году в 75-м. Прошло очень короткое время, и где-то в разгар афганской войны стало понятно, что мы просто разваливаемся. За 25 лет государство успело пройти несколько фаз. Как, допустим, это бывает у луны — полнолуние, убывающая луна, растущая...

В восьмидесятые — начале девяностых годов был такой период, когда руководителями страны могли быть люди вполне определенного типа. Они и были такими — очень непосредственными. Избирательные кампании отличались очаровательным легкомыслием. Но вместе с романтическими иллюзиями появилось романтическое воровство, за которое никого не преследовали. Можно было все. В отсутствии конкуренции некоторые люди добыли огромные деньги, не встречая сопротивления со стороны государства. Они очень легко разбогатели и так же легко заняли высокие государственные должности. Время тогда не предъявляло к людям никаких жестких требований. Достаточно было быть предприимчивым и склонным к восприятию так называемых позитивных новаций.

А сейчас наступил совершенно иной исторический период — супержесткой конкуренции.

– Политической?

— И экономической. Во всех отраслях сегодня нет пустот, которые мог бы занять человек, попавший туда просто так, по случаю. За любое место, за каждый квадратный метр, буквально за каждый рубль надо биться. Поэтому на арену сейчас стали выходить люди с удивительно мощными и развитыми мужскими качествами, которые предполагают вполне определенные, может, забытые рыцарские признаки. Такие, как верность данному слову, умение служить долгу. И Путин в этом смысле оказался первым среди равных. Помните, он работал с Анатолием Александровичем Собчаком, что было далеко не просто. Многие его за это осуждали, мэра ведь не все любили. И когда Собчак проиграл, Путин его не бросил и ушел вместе с ним. Он остался верен своему долгу.

– Этими качествами и объясняется успех премьера и фантастический взлет его рейтинга?

— Путин — 100%-ный мужчина, мужик. Боец, которого ничем не испугаешь. Все отмечают, как он ясно и прямолинейно выражается. Невероятно прагматичен. Никогда не скрывает от людей, с которыми встречается, вполне определенных намерений, причем обосновывает их тут же перед ними. Он объясняет, почему вынужден действовать так, а не иначе. Просит предложить другой вариант, который, как правило, отсутствует. Вот такая железная, опять же мужская логика.

Кто-то осуждает Владимира Владимировича за то, что он работал в спецслужбе. Ну и что? Другие работали ассенизаторами или чистили трубы. У Путина не самая худшая профессия. Но она приучила его служить долгу, что могут делать не многие люди.

Путин был и остался государственным человеком. На месте первого заместителя Собчака он мог возглавить какую-нибудь корпорацию или фирму. Но он предпочел госслужбу. Я вижу, что с тех пор, как он приехал из Германии, не было ни одного периода, когда он работал лично на себя, а не на службу (КГБ. — **Е. Р.**), которой присягнул на верность.

– Вам не кажется, что Путина сделала череда трагических событий: нападение на Дагестан, взрывы домов и т. д.?

— Согласен. У каждого времени свои герои. В Гражданскую войну, например, был герой Чапаев. Потом начался нэп, и если бы Чапаев остался жив, он был бы никем. Сейчас же понадобился человек, который не спасует перед трудностями, не испугается, не запаникует перед агрессией и терактами. А взять на себя ответственность за чеченскую войну пока еще ни у кого не хватало сил. Помните, как первая чеченская война начиналась с предельной трусости, когда сообщалось, что туда якобы поехали только добровольцы и никто их туда не посылал...

И только сегодня этого не случилось. Путин взял на себя сразу все. И за всех. И оказалось, что у нас есть масса молодых генералов, которые успешно воюют в Чечне и берут на себя ответственность, как и Путин. Кстати, по-видимому, мы скоро получим из их числа политических деятелей. Люди, которые потратили столько сил и которые всем рисковали, не позволят потом распоряжаться собой вот так просто.

– Путин уже третий премьер, который пришел из силового ведомства. С чем это связано?

— Идет медленный дрейф в сторону людей очень мужских профессий. Едва ли такое могло произойти в конце восьмидесятых, когда свергали памятник Дзержинскому и ругали КГБ на чем свет стоит. Тогда открывали границы, предавали своих друзей за рубежом. А сейчас, в контексте исторического периода, возглавлять страну может только жесткий человек. Как Путин.

– А по-моему, Владимир Владимирович просто тесно работает с президентским окружением, которое считает его, безусловно, лояльным человеком. Иначе его премьером бы не назначили.

— Любое благое дело можно интерпретировать как угодно. Если вы попросите меня сделать это со сказкой про репку, которую тянул дедка, то я придумаю, почему, когда, где и кто вставал, до полного извращения сюжета. Но такую сказку нельзя будет детям рассказывать.

Можно найти безумное количество объяснений, но я не в состоянии это обсуждать. Просто не знаю. Хотя читал об этом, слышал, значит, скорее всего, так оно и есть. Но в то же время разве возможен другой вариант — руководить страной, находясь в контрах с президентом? Такой путь ведет к проигрышу. Был у нас генпрокурор, который пытался противопоставить себя президенту. Ну освободили его, тем и кончилось. Председатель правительства должен находиться в конструктивных отношениях с президентом страны. Иное исключено.

– Значит, Путин – марионетка?

— Если Путин и марионетка, то в интересах страны. Если государству нужно — Путин сделает, если нет — делать не будет. Но им нельзя управлять какой-нибудь чужой личной волей. У него есть своя, и железная.

– В связи с усилением роли военных стали появляться разного рода опасения. Говорят даже о возможности переворота, о хунте...

— Да, страна находится почти на военном положении. Армия сейчас выдерживает наступление в самых разных местах России. На Кавказе вообще идет война. Если сегодня убрать, в том числе и с улиц, вооруженные силы в виде МВД и ФСБ, то мы моментально погрузимся в хаос. Я не военный. Но должен с сожалением признаться, что сейчас не время штатских людей. Им было судьбой отпущено время и возможности руководить страной, но они не справились. Поэтому сегодня это делает Путин. Правда, я не знаю, в каком звании он сейчас находится...

– «Полковник Путинос». А вы не боитесь, что, выбрав себе в президенты Путина, мы получим диктатуру? Военную или полувоенную, мягкую или жесткую, но диктатуру.

— Диктатура — это всегда глупость. Ее устанавливают только очень недалекие люди. Путин, как человек неглупый, прекрасно понимает, что в условиях диктатуры никто работать не станет. Он умнее, чем о нем думают, все-таки закончил юрфак университета, что тоже неплохо. Поэтому Путин будет использовать другие методы, и они ни в коем случае не будут диктаторскими.

– Вы думаете, что Путин привержен либеральным ценностям?

— Можно сколько угодно перечислять ценности — либеральные, консервативные, радикальные... Сегодня либеральные просто в ходу...

Путин же исповедует прагматические ценности. Он действует только в рамках вполне конкретных целей, осязаемых, измеряемых и решающих что-то именно сейчас. Поэтому к нему непригодны ни либеральные, ни радикальные, ни какие-то иные критерии.

– Ну, основные цели Путина вполне очевидны – выиграть войну и стать президентом.

— Уверен, что нет. Многие люди, которые критикуют Путина и пытаются выдать его за человека недалекого, ограниченного чеченской войной, не имеют такого жизненного опыта, как Владимир Владимирович. Он долго жил в Европе и очень хорошо знает образ жизни европейцев, тех же самых немцев. Масштабы работы Путина, который был знаком с руководителями многих европейских движений, не известны только потому, что он не занимается саморекламой.

Любой из нас может позавидовать его профессиональному политическому опыту. Он знал таких лидеров, которых не знал ни один из нас.

– Например?

— Ну, к примеру, Эрика Хонеккера. Я уверен, что он был с ним знаком, хотя я никогда об этом не слышал. Но по тому, как Путин себя ведет, как говорит, я догадываюсь, что это так. Люди, которые подвергают его критике, ничего не видели и не знали. Они не воевали. Они не умеют стрелять. Они не видели настоящих народных волнений, когда ломали Берлинскую стену. Поэтому все пассажи отпускаются в адрес Путина просто от незнания его биографии.

– Вам не кажется, что в мирное время премьер Путин не будет столь органичным, как сейчас?

— Я видел Путина в мирное время, когда он работал в Смольном у Собчака. Он совершенно не выглядел военным человеком. Люди, которые тогда с ним были мало знакомы, никогда бы не догадались, что этот человек умеет попадать в консервную банку на лету из пистолета два раза подряд.

– С чем связано, что политики, от Чубайса до Березовского, чуть ли не в очередь выстраиваются, пытаясь предложить Путину свою помощь?

— Большинство людей, которые занимают очень влиятельное положение в стране, отдают себе отчет, что не годятся для управления страной. Или вот, допустим, я. Мое образование и многие знания позволяют мне на что-то претендовать, но, меня озолоти, я не займу пост председателя правительства. Я слаб для этого.

– Почему у Путина такое неровное поведение? То растеряется рядом с Ельциным перед министрами иностранных дел, то запутает всех так, что ничего не понятно, то, по мнению многих, необдуманно заявляет, что поддерживает на губернаторских выборах Яковлева, а на парламентских – «Единство».

— Когда я учился водить машину, были эпизоды, когда я не успевал делать что-то, хотя все знал. А управлять государством посложнее будет. Я не исключаю, что впереди у Путина еще будут ошибки и промахи, слишком мало опыта. Хотя думаю, что все его заявления были хорошо продуманы. Он как руководитель правительства должен быть уверен, что в Думе появится достаточно большое количество депутатов, которые станут его соратниками, партнерами, окажут ему поддержку. Он же был один. И хорошо, что появилось такое движение «Единство»...

– Не появилось, а было сделано.

— Даже если и так. Если бы его не было, то его надо было сделать под Путина. Обязательное такое действие, как торможение автомобиля. Хотя Шойгу достаточно самостоятельной человек, и все не так просто. И не надо нам делать вид, что мы все из института благородных девиц и рояль у нас всегда белый в кустах. Все рассчитано, и в данном случае Путин поддержал Шайгу вполне логично.

– Но если бы он так публично не определился с «Единством», то мог бы рассчитывать на более широкую поддержку в Думе.

— Могу догадываться, что и другие партии предлагали ему поддержку, но на определенных условиях. Видимо, они оказались для Путина неприемлемыми. С ним пытались договориться, как обычно поступают со всеми избираемыми губернаторами, депутатами. Им обеспечивают поддержку в виде денег или иной помощи, а потом приходится отдавать долги. Путина бы это связывало, делало марионеткой. А так он свободен, и в то же время какая-то политическая партия за спиной есть.

Но я бы хотел сказать о других отдельных оговорках. Каким бы Путин ни был выносливым и физически сильным, он не беспределен. Председатель правительства работает на износ, когда нет времени для отдыха, для обдумывания. И поэтому оговорки могут быть, к чему надо относиться с пониманием. От усталости человек иногда говорит совсем не то, что хотел сказать.

– Вы имеете в виду знаменитое «замочим в сортире»?

— Да, я думаю, что эта оговорка была следствием чрезвычайного переутомления и напряжения. Просто не хватило сил. К тому же ничего уж такого особенного Путин не сказал. Американские президенты тоже, бывает, такое говорят, что если бы перевели на русский язык, то мы очень бы удивились.

– Однако именно после этой фразы рейтинг Путина пополз вверх. Почему у общества это вызвало такой бешеный восторг?

— Восторг вызвало не выражение, а то, что Путин не стал изображать из себя куклу. Он один из немногих, кто обнаружил себя, и, когда его допекли, он счел возможным не прятаться за украшенные фасады. Мы увидели его таким, какой он есть, — натурального человека, остро чувствующего, сильно переживающего и решительно настроенного. Многие до Путина внешне были ненатуральными.

– Как, по-вашему, Путин уже начал свою президентскую кампанию?

— Пока, думаю, нет.

– Один из сайтов в Internet опубликовал рейтинг наиболее успешных PR-проектов последнего времени. Так вот, PR-кампания Путина находится на первом месте.

— Я не знаю, кто так считает. Скорее всего, PR-агентства, которые полагают, что они организуют всю нашу жизнь в государстве. Это не более чем легенда. PR-кампании влияют на жизнь в государстве, как почтовый вагон на движение поезда. Не более. Им нечего было бы пиарить, если бы Путин как паровоз не тащил весь государственный поезд через чеченские и иные события. PR-кампания Путина — его решения существующих государственных проблем.

Беседовала Елена РАГОЗИНА

Судья сделал свое дело – судья может уходить

Правда в глаза — обижает, а бездоказательная правда — уже возмущает. Скандал вокруг самого громкого политического убийства в России — убийства Ларисы Юдиной — завершился поразительно тихо, хотя обвинения в причастности к этому преступлению ближайшего окружения Кирсана Илюмжинова и самого президента Калмыкии звучат и после оглашения приговора. Но в ответ из администрации Илюмжинова не доносится даже эхо — похоже, что местная власть вполне довольна приговором, вынесенным Верховным республиканским судом Калмыкии под председательством судьи Александра Шевченко. Довольны приговором и все те горожане Элисты, которых нам удалось опросить в ходе своего журналистского десанта в этом городе. По мнению горожан, двадцатилетние сроки заключения убийцам вполне адекватны совершенному злодеянию. Означает ли это, что суд пошел на компромисс, вынося заведомо согласованный со всеми заинтересованными лицами приговор? Ответить на подобный вопрос мог только сам председательствующий на громком заседании — судья Александр Шевченко. И он согласился побеседовать с нами, хотя, как и любой человек Фемиды, особой радости от встречи с журналистами, разумеется, не выказал.

ПРИГОВОР

Именем Российской Федерации

29 ноября 1999 года

г.Элиста

...Республики Калмыкия в составе:

18

остальные вещественные доказательства уничтожить за ненадобностью. Автомаш... ВАЗ-21099, государственный номерной знак А 139 ВА, принадлежащую Васькину С.С., су... признает орудием преступления, а потому полагает необходимым обратить ее в возмеще... причиненного потерпевшему вреда.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 300-303, 306, 309, 310, 312-315, ... УПК РСФСР, суд

приговорил:

ШАНУКОВА **Владимира Николаевича** признать виновным в совершении преступлени... предусмотренного п.п. «б», «д», «н» ч.2 ст.105 УК РФ, и назначить ему с применением ч.2 ст... УК РФ наказание в виде лишения свободы на срок **19 / девятнадцать/** лет.

В соответствии со ст. 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоедини... неотбытую часть наказания по приговору Верховного Суда Республики Калмыкия от 9 авгус... 1993 г. и окончательно назначить Шанукову наказание в виде лишения свободы на срок **21** ... **двадцать один/** год с отбыванием в исправительной колонии *особого режима.*

На основании ч.2 ст. 58 УК РФ назначить Шанукову В.Н. отбывание части сро... наказания – **5 /пять/** лет лишения свободы – **в тюрьме.**

ВАСЬКИНА **Сергея Сергеевича** признать виновным в совершении преступлени... предусмотренных **п.п. 3, 5 ст.33 и п. «б» ч.2 ст.105, ч.4 ст.222 УК РФ,** и назначить ему наказани...

- по п.п. 3, 5 ст.33 и п. «б» ч.2 ст.105 УК РФ с применением ч.2 ст.68 УК РФ – **17 / семнадцат...** лет лишения свободы;
- по ч.4 ст.222 УК РФ с применением ч.2 ст.68 УК РФ – **2 / два/** года лишения свободы.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначить Васькину С.С. **18 / восемнадцать/** лет лишения свободы.

В соответствии со ст.70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединит... неотбытую часть наказания по приговору Элистинского...

Роскошное здание Верховного суда Калмыкии невозможно не отметить — нам есть с чем сравнивать, ведь помещения петербургских судов, включая городской и областной, больше похожи на хижины, чем на дворцы правосудия. Правда, приятное впечатление от местного дворца несколько смазывал двор, полностью засыпанный свежим декабрьским снегом, но эта проблема, как потом мы выяснили, для Элисты типична. Снег не убирают, поскольку он все равно рано или поздно тает.

Зато внутри здания суда все блестело и переливалось — евростандарт, он и в Калмыкии евростандарт.

Впрочем, наши восторги по этому поводу Александр Иванович воспринял сдержанно — строительство особняка для Верховного суда финансировалось не из федерального бюджета, как полагалось бы, а из местных средств. Более того, с федеральным центром на почве финансов случались и более серьезные накладки:

— Летом прошлого года министерство финансов Калмыкии направило все федеральные налоги на выплату задолженности по зарплате местным учителям и врачам. Тогдашний министр финансов РФ Михаил Задорнов ответил на этот демарш очень резко — прекратил финансирование всех федеральных программ и учреждений. Мы, все судьи Элисты, тогда пять месяцев не получали зарплату.

– Ваша зарплата соответствует вашему положению? Другими словами, чувствуете ли вы себя независимым при принятии решений?

— В месяц я получаю 5 тысяч рублей — по нашим меркам это очень хорошо. И эти деньги поступают вовремя — прошлогодняя задержка была единственной. Что касается независимости, какого ответа вы ждете? Взяток я не беру, запугать меня непросто — я в системе четверть века работаю, доводилось и преступников задерживать, и обвинять их, работая в прокуратуре.

– Однако при рассмотрении серьезных уголовных дел вам наверняка приходится сталкиваться с явным или неявным давлением со стороны заинтересованных лиц и организаций.

— Не обязательно «серьезных» — бывает, разбираем пустячные дела вроде кражи овец типичным босяком, а за него вдруг начинают просить вполне солидные люди.

– И как вы реагируете?

— Никак. Разбираю дело по существу и выношу приговор в соответствии с законодательством. Дело в том, что давление на судей, о котором вы говорите, никогда не выглядит откровенным подкупом или угрозой — делаются какие-то намеки, сообщается некая информация с подтекстом. В противном случае этих ходатаев можно привлечь к уголовной ответственности за незаконное вмешательство в ход судебного разбирательства.

– Когда вы рассматривали дело Ларисы Юдиной, вам делали намеки?

— Суд не в безвоздушном пространстве работает — мы газеты читаем, телевизор смотрим. Определенные политические движения очень активно комментировали дело Юдиной.

– В приговоре вы использовали сенсационную фразу, квалифицируя убийство Ларисы Юдиной как «убийство лица, совершенное в связи с осуществлением этим лицом служебной деятельности». Если не ошибаюсь, это первый в России приговор по делу об убийстве журналиста, где прямо указывается причинно-следственная связь со служебной деятельностью жертвы.

— Вы не ошибаетесь.

– Местная власть наверняка рассчитывала на сведение этого преступления к обычной «бытовухе» на почве личных неприязненных отношений. Вы получали тонкие намеки на этот счет из администрации?

— Если я скажу, что никогда не обсуждал эту тему с представителями местной власти, вы мне не поверите. Поэтому я просто не буду отвечать.

– Тогда другой вопрос: ваш уход из Верховного суда Калмыкии сразу после вынесения обвинительного приговора – это расплата за объективность?

— Я сам подал прошение о переводе в Ростов, здесь нет никакой связи.

– Но иначе зачем вам уходить – в Ростове вы будете одним из районных, а не верховных судей, у вас будет намного больше дел, придется покупать или снимать жилье, а зарплата останется та же.

— У меня растут дети, и я хочу, чтобы они получили достойное образование. В местном университете, увы, уровень профессионализма преподавателей меня не устраивает. По крайней мере, на юридическом факультете.

– А как насчет уровня профессионализма следователей, расследовавших дело Юдиной, – к ним у вас нет претензий?

— Идеального следствия не бывает — отдельные недоработки в деле есть. На мой взгляд, бригада Генпрокуратуры толком работала только первую неделю после ареста подозреваемых, потом начался бардак. Зачем-то перевезли арестованных в Ессентуки, там же базировалась сама следственная группа, а в Элисту выезжали от случая к случаю. А ведь преступление и все связи имеют элистинские корни.

– Наверное, у них были основания держаться подальше от местной власти?

— Но я же работал здесь — и, как видите, жив и здоров.

– Убийство Юдиной стало поводом для обвинений не только администрации Илюмжинова, но и вообще в адрес калмыцких правоохранительных органов. Насколько это обосновано?

— Вы приехали из «криминальной столицы России» — это название тоже обосновано?

– Думаю, здесь больше политики – официально Петербург на 31-м месте в России по уровню преступности.

— Вот и в нашем случае все аналогично — в год во всей республике совершается всего около 50 убийств, причем раскрываемость их колеблется возле 90%. Штаты правоохранительных органов и судейского корпуса укомплектованы даже с запасом — в Верховном суде, например, у нас 15 судей, а всего по республике — 61 судья. На 350 тысяч жителей этого вполне достаточно. Поэтому у нас дела расследуются и рассматриваются весьма обстоятельно, а не так, как в Москве и Питере, где судья в день должен изучить десяток дел.

– Даже не десяток – бывает и больше. Вас это ждет в Ростове. Впрочем, туда вы отправитесь знаменитым – может, напишете диссертацию по этому сенсационному делу?

— Я практик, так что заниматься теорией буду на пенсии.

– Местные чиновники крайне неохотно идут на контакт с журналистами, особенно столичными. Почему вы согласились с нами встретиться – могли бы придумать тысячу поводов для переноса или отмены встречи?

— Мне нечего стыдиться или, тем более, бояться — вот дело, вот приговор, вот Уголовный кодекс. Читайте материалы, суммируйте сроки, опрашивайте свидетелей — мой приговор точно соответствует доказательной базе следствия и российскому законодательству. Кстати, надеюсь, что и вы, освещая ситуацию в Калмыкии, будете не менее объективны.

– Мы постараемся соответствовать.

Евгений ЗУБАРЕВ,
Марина БОЙЦОВА
Петербург – Элиста – Петербург

ГЛАС НАРОДА

За четыре дня пребывания в Элисте вопрос о соответствии приговора убийцам Ларисы Юдиной совершенному преступлению мы задавали бесчисленное количество раз самым разным людям. Но ответы, как ни странно, были практически одинаковы. Судите сами:

Андрей Николаевич, водитель такси:

— По двадцать лет дали — куда уж больше. Даже если выживут на зоне, повторять уже не захочется. Конечно, лучше бы смертную казнь назначить, но ведь ее вроде отменили, да? А зря — за убийства женщин и детей я бы ее оставил.

Эльвира, уличный продавец:

— Я по телевизору видела, как их судили. Тогда еще говорили, что никого не накажут, потому что власть своих отмажет. А им дали вон сколько. В прошлом году племянница рассказывала, как у них в поселке почтальоншу убили, так убийце дали всего пять лет, потому что с работы справку принесли, что он положительный и дети есть на иждивении.

Валерий, журналист:

— По тексту приговора претензий нет. Думаю даже, что, например, Липину дали много — этот мальчик шесть лет не протянет в колонии. А вот то, что глава Нацбанка Вячеслав Дарбаков вышел сухим из этой истории, очень показательно — пешек власть сдала, а солидные фигуры отстояла.

Постовой милиционер, представиться отказался:

— Да если бы всем убийцам такие сроки выносили, у нас бы давно коммунизм наступил — тишь да благодать. Вы тут у нас воду мутите, возмущаетесь, а у вас в России рецидивистов из зала суда отпускают — сам читал, как серийного маньяка отпустили, потому что при аресте что-то неправильно задокументировали. Нормальный приговор, больше двадцатки давать и незачем — сами сдохнут.

Геннадий Юдин:

— К судье Шевченко у меня претензий нет — приговор обоснованный. А вот к следствию и, в частности, к начальнику следственной группы Игорю Ткачеву претензий предостаточно. На мой взгляд, следствие просто игнорировало имеющиеся в деле факты о связи исполнителей убийства с высшими республиканскими чиновниками.

Он сказал: «Поехали!» — и заработал миллион

Опыт – это единственное, чем люди охотно делятся. Опробовав на деле сервис элистинских такси, уже на второй день мы дружно возопили: «Автора!». Человек, который придумал такое сочетание поразительно низких цен с оперативностью группы захвата, должен был быть немедленно допрошен с пристрастием.
Автора зовут Виктор Степанович Куюкинов, и наводку на него мы получили от журналистов местной газеты «Известия Калмыкии».

Беседа прошла в «дружественной и откровенной обстановке», однако одно обстоятельство нас смущает до сих пор – дело в том, что Виктору Степановичу мы представились как журналисты сугубо петербургской прессы, особо не уточняя, что часть наших материалов будет опубликована в местной оппозиционной газете «Советская Калмыкия». Сознаемся, что уточнять это важное обстоятельство мы не стали по вполне очевидным причинам – мы рассчитывали на полную откровенность собеседника, на которую вправе рассчитывать все читатели, в том числе и читатели оппозиционных газет.

Искренне надеемся, что после публикации этого интервью у Виктора Степановича не возникнет неприятностей с местной властью – в противном случае эта власть лишь подтвердит мнение о своей недемократичности и нетерпимости к чужому мнению.

46 рублей, которые потрясли Элисту

– Признавайтесьскорее, как вы наживали начальный капитал – по Марксу, «все современные крупные состояния нажиты нечестным путем».

— А у меня вообще не было начального капитала. Когда десять лет назад мы обсуждали с приятелем мою идею насчет диспетчерской службы такси, он сказал, что какой-то американский миллионер начинал свое дело с 46 долларов. Я пошарил по карманам и насчитал у себя ровно 46 рублей. Мы посмеялись и принялись за дело — результат вам известен.

– Это любопытно, но неубедительно. Ваше дело сейчас стоит сотни тысяч долларов – давайте об этапах большого пути все же поподробнее.

— В конце 80-х я закончил Ставропольский политех и 6 лет отработал в автотранспортной промышленности. Ушел с поста директора центральной диспетчерской службы, так что опыт организации производства у меня уже был. Другое дело, что, когда я предложил идею радиофицированной диспетчерской службы частных такси руководству своей автобазы, они меня на смех подняли — кому это надо, ничего не получится и т. д. Я плюнул, ушел и начал халтурить на своей машине. Вот тогда и подтвердилось, что без специальной службы, которая бы искала клиентов, таксисту толком не заработать. Каждый вечер подъезжал к гостинице, там, где дежурило большинство наших частников, и убеждал их создать свой, частный таксопарк.

– А что вы им могли предложить?

— То, что мог, то и предложил — зарегистрировал общественную организацию «Ассоциация «Такси-автосервис», арендовал в кредит помещение, красный уголок на одном заводе, и главное — выпросил в кредит 30 радиостанций у знакомых. Через несколько месяцев я уже зарегистрировал собственую фирму ООО «Курьер», расплатился с долгами и вкладывал в дело собственную прибыль.

Капитализм с человеческим лицом

– Как это легко у вас все получается.

— На словах, наверное, легко — на деле пришлось попотеть. Я же все делал сам, начиная с регистрации наших радиочастот в Комитете по контролю и заканчивая покупкой стекла для машин. Разработал гибкую тарифную сетку — например, по городу клиентом оплачивается время, а за городом — километраж. Это удобно и понятно.

– А ваши водители потом выплачивают вам львиную долю?

— Нет, если львиную, то будут утаивать прибыль, — я же сам халтурил, понимаю психологию рабочего человека. Ставка от 10 до 20% — очень скромно, согласитесь. Ведь взамен таксист получает гарантированных клиентов на весь рабочий день — это обеспечивают десятки моих операторов и служба доставки.

– Вы еще что-то доставляете?

— Все что угодно — от горячего обеда до живого барашка и букетика цветов. Приходится постоянно что-нибудь придумывать, чтобы не отстать от жизни и не потерять прибыль.

– Гоняетесь, значит, за длинным долларом, а о вечном и не думаете?

— Я, между прочим, даю работу 110 водителям и 30 сотрудникам диспетчерской службы. Высокооплачиваемую работу в условиях реальной безработицы надо поискать — у нас большинство предприятий стоят, как вы, наверное, уже заметили. В день у моих таксистов получается 200—300 рублей — баснословные для наших мест деньги, при этом соблюдается 8-часовой рабочий день, проводятся строгие медосмотры и прочий социализм. Раньше я даже ремонтировал машины за свой счет, только недавно от этого пришлось отказаться — кризис вынуждает поджимать расходы.

Любовь как двигатель прогресса

– Однако вс самый разгар кризиса вы отважились купить убыточные городские гостиницы.

— Отважился, да. Меня попросил об этом лично Кирсан Илюмжинов. Дело было перед олимпиадой, и требовалось срочно привести в порядок главную гостиницу — «Элисту». Я вложил в ремонт собственные деньги, заработанные в «Курьере», — Кирсан честно предупредил, что республика не сможет оказать никакой поддержки, кроме моральной. Потом я выкупил 100% акций гостиничного комплекса, успешно отработал в олимпиаду.

– Потом, кажется, у вас все-таки возникли проблемы.

— Да, было дело, едва не обанкротился. Сити-Чесс строили люди Батурина, и все его строители, весь прочий персонал, десятки человек, проживали у меня свыше полугода. А потом съехали, не расплатившись. Я кинулся к Батурину, а он говорит: Кирсан мне должен за Сити-Чесс, вот пусть с тобой за меня и расплатится.

– Расплатился?

— Ну как я пойду к президенту с таким предложением — заплати за моих постояльцев, я не смог с них получить?

– Как же вы выкрутились?

— Мне предстояло выплатить почти полтора миллиона рублей — здесь это очень большие деньги. Гостиница приходила в упадок, туристов после олимпиады почти не стало, и я придумал хороший ход. Стал сдавать номера за почасовую оплату. Теперь больше половины поступлений с гостиниц дают именно такие клиенты.

– Гм-гм, а общественность не возопила?

— Сначала. А потом успокоились — в любом случае для молодых людей это лучше, чем по подворотням прятаться.

– В подворотне за постель платить не надо – у вас в Элисте такая богатая молодежь?

— Вот прейскурант — три часа в номере люкс стоят 38 рублей, в простом — 12. Разве это много?

– Фантастика! И при таких расценках вы рентабельны?

— Разумеется. Какой смысл мне работать в убыток, я же бизнесмен!

– Вы чрезвычайно предприимчивый человек, Виктор Степанович. У вас сейчас, наверное, полгорода в собственности?

— Ну, не так много — служба такси, несколько заправочных станций, два отеля, парикмахерская, баня, магазины, оптовая база.

– Супруга оценила рост семейного благосостояния?

— Я с ней познакомился, когда уже сделал свой бизнес. Она мне шоколадки приносила — на продажу. Я случайно на базе оказался, смотрю: симпатичная девчонка товар принесла, а приемщик не берет. Ну я приказал взять, по ее цене. Через неделю она снова пришла, принесла уже коробку. Пришлось снова взять и оплатить, хотя еще предыдущую партию не распродали. А еще через неделю она говорит, что ее брат самолет фрахтует, с шоколадками, разумеется. Тут я, конечно, взвыл — такая благотворительность уже по карману серьезно била. В общем, познакомились. Сейчас у нас трое детей, супруга не работает, учится в Московском социологическом институте.

Хуже не будет

– Кстати, о благотворительности – тяжело, наверное, быть богатым в бедной стране?

— Да уж, стоит где-нибудь просочиться информации, что я кому-то помог материально, как тут у кабинета просто очередь выстраивается. А всем разве поможешь — я же не собес.

– Чиновников в этой очереди много? У нас в Питере администрация обожает пощипывать крупных коммерсантов на предмет пожертвований во внебюджетные фонды.

— Надо же, и у нас так же! В месяц тысяч 20—30 выплачиваю, как с куста. Но я не жалуюсь — действительно, республика живет очень бедно, надо помогать. У меня даже с водителями в контракте указано: раз в месяц каждый обязан сделать благотворительный рейс.

– ??? Бабушку на такси в булочную отвезти?

— Нет, например, иногда звонят из госучреждений, просят посодействовать.

– Неужели местные чиновники не в состоянии оплатить даже ваши мизерные расценки?

— Ну, это не так часто случается, как вы подумали.

– Да мы уж и не знаем, чего думать – несолидные какие-то чиновники у вас обретаются. Скажите, а президент вас за гостиницы хоть поблагодарил?

— Не только поблагодарил, а даже подарил свой «Линкольн» — вон он стоит, я на нем иногда езжу.

– Полтора миллиона он стоит? Шутим-шутим. Виктор Степанович, если честно, как насчет уверенности в завтрашнем дне?

— Хуже не будет. Вот Каспийский консорциум газопровод через нас начал тянуть — у меня уже строители поселяются, менеджеры. Дороги делают, не так много, как хочется, но делают. Кирсан проектов напридумывал тьму, так что деньги обязательно пойдут в республику. Ну а если не пойдут — сами заработаем. Только не мешайте.

Евгений ЗУБАРЕВ,
Марина БОЙЦОВА

С НОВЫМ ЗУЛОМ, ТОВАРИЩИ!

Здорово встречать Новый год трижды. А еще лучше — четырежды. Славянам и так везет больше прочих европейцев: они имеют возможность присоединиться ко всему прогрессивному и не очень человечеству 25 декабря — в Рождество, в традиционную ночь 1 января, в старый Новый год — с 13 на 14 января и в Рождество православное 7 января. Нам повезло, если можно так выразиться, впятеро: мы попляшем под елочкой как минимум 5 раз. Нежданно-негаданно мы попали в Калмыкию аккурат под национальный праздник — калмыцкий Новый год, священный праздник Зул. Таким образом мы встретили 2000 год уже 2 декабря. Завидуйте, россияне! Впрочем, как выяснится позже, особо завидовать оказалось нечему. Увы.

По традиции калмыцкий Новый год наступает с заходом солнца, то есть около 16 часов, поэтому предновогоднее утро 2 декабря мы встретили в предпраздничных хлопотах: сходили перекусить в кафе, в котором уже в 11 утра прослушали замечательное пение самодеятельного хора русских и калмыцких кумушек, с равным воодушевлением исполнявших калмыцкие народные песни и «Катюшу» под интернациональные 100 граммов.

Потом мы отправились на центральный рынок, где попытались приобрести традиционные сувениры на память о Калмыкии и празднике. Увы, не вышло: немногочисленные торговцы раритетами предлагали нам лишь фигурки Будды в разных вариантах, коих и в нашем Питере с лихвой хватает. Больше, к сожалению, никакой экзотики на память ни на лотках, ни в магазинах мы не обнаружили. Ау, братцы калмыки! Где ваши новогодние подарки, луки, плетки, пиалы, шкуры, кожа и прочая экзотика?! Ведь за них с многочисленных гостей можно получать конкретные деньги, а заодно и республику рекламировать не только очередными победами Кирсана Николаевича, а реальными плодами рук человеческих.

Слегка разочаровавшись, мы покинули центр города и отправились в Сити-Чесс. Там тоже все было достаточно уныло и абсолютно пусто. Обидно, что 600 кв. метров и 35 миллионов вложенных в них долларов пропадают зазря. Лучше бы детские лагеря или дома отдыха разместили — больше пользы было бы. По возвращении из мертвого города застали практически ту же картину: пустую центральную площадь, темные улицы. Освещена свечами была лишь статуя Будды с одинокими молящимися, и пара фонарей горела перед гостиницей «Элиста». Наиболее удачливые горожане праздновали в кафе и барах, остальные встречали Новый год по домам. Ни тебе бенгальских огней, ни серпантина, ни радостных детских тусовок на улицах. Единственной памятью о калмыцком празднике у нас осталась пара оставшихся бурцаков, по доброй традиции преподнесенных в гостях. Потом мы долго приставали с расспросами к местным жителям: «Неужели всегда так уныло встречаете Зул?» Видимо, нас просто не понимали: им, в отличие от нас, приезжих, было вовсе не тоскливо. Или они просто и не ожидали ничего большего — подумаешь, Новый год. Хотя бы и 2000-й.

М. Б., Е. З.

Дети СПИДа

1 декабря – Всемирный день борьбы со СПИДом и десятая годовщина элистинской трагедии. В ноябре 89-го маленькая Элиста занесла в черный список больных СПИДом сразу 73 своих жителя. Мы оказались в столице Калмыкии именно в этот день и, разумеется, не могли не посетить территориальный Центр по профилактике и борьбе со СПИДом, который также недавно отметил 10-летнюю годовщину своего создания. Главный врач центра Дина Бадмаевна САНДЖИЕВА любезно согласилась побеседовать с нами.

– На сегодняшний день в мире 33 миллиона человек носят в себе вирус ВИЧ. Каждый год около 600 тысяч детей заболевают этой болезнью. В двух элистинских больницах были заражены 73 ребенка. Сейчас, спустя 10 лет, были ли сделаны какие-то выводы из трагедии и можно ли говорить о конкретных виновниках происшедшего?

— Все не так просто. Это не было простым переливанием крови, как писали в прессе. Дело в том, что все 73 ребенка страдали различными заболеваниями, чаще всего довольно тяжелыми, их лечение требовало массивных медицинских вмешательств. Дети часто переводились из одной больницы в другую, с ними проводилось множество манипуляций одними и теми же инструментами — разумеется, об одноразовых тогда речи не было. Вероятно, кто-то из персонала допустил преступную халатность, но установить конкретного виновника не смогла даже прокуратура, которая занималась расследованием. Даже о путях проникновения инфекции в наш город мы знаем довольно приблизительно.

– И все же?

— Судя по всему, это был житель Элисты, служивший на флоте и побывавший в Конго. Сейчас ни его, ни его семьи уже нет в живых. Уже потом московские комиссии под руководством Покровского установили тот корабль и экипаж, с которого, судя по всему, все и началось. Там, кроме элистинца, выявили еще несколько заболевших.

– Как удалось установить первый случай инфицирования?

— Удивительно, но вы — первые журналисты, которые задают этот вопрос. А ведь это несправедливо: нас только ругают, и никто не говорит, что обнаружили мы это самостоятельно. Врач пульмонолог-иммунолог детской инфекционной больницы Нина Басанговна Шараева (сейчас она ушла из больницы и руководит своим научным центром в Элисте) обратила внимание, что один из ее маленьких пациентов никак не реагирует на проводимое лечение, иммунитет у ребенка был явно снижен. Она провела анализы на СПИД, они оказались положительными. Через неделю был получен второй положительный ответ — в крови женщины-донора, сдавшей кровь для больного ребенка, были также обнаружены антитела. Первым заболевшим как раз оказался малыш, лежавший в палате с ребенком той женщины.

– И какова была первая реакция медперсонала, руководства, родителей?

— Разумеется, это был шок. Сначала никто не поверил. Громко ничего не говорили, взяли анализы повторно, отправили их в Москву. После второго подтверждения начали обследование всех пациентов детской республиканской и инфекционной больниц. С ноября 88-го по май 89-го было выявлено 73 случая. Больницы заполнялись на треть, все боялись. Многие, кстати, не верят до сих пор, что заражение произошло в больнице.

– А вы?

— Все заболевшие дети были инфицированы в больницах — детской республиканской и инфекционной. От нас инфекция вместе с больными детьми перешла в Волгоград и Ростов. Кстати, кафедры их больниц — наши кураторы, и они должны были своевременно принять меры. Но они не поверили, мер не приняли, и цепочка пошла дальше. А в Волграде и Ростове, в отличие от Элисты, больше возможностей для контроля, разовый инструментарий. Настоящая работа началась только в конце 1989 года, когда болезнь приняла характер эпидемии. Между прочим, еще до Элисты аналогичный случай заражения произошел в середине 1988 года в Одессе — там заразились несколько человек. Но это ЧП сумели замолчать.

– Были зафиксированы случаи заражения матерей или медперсонала?

— Персонала — нет, родителей, к сожалению — были. 11 матерей заразились путем грудного вскармливания больных малышей. Из них сейчас живы шестеро.

– Какова сейчас судьба пострадавших?

— Заболевших детей не оставили. Сейчас все они получают пенсию как дети-инвалиды — по 304 рубля, плюс отдельно ежемесячную выплату из местного бюджета, равную 25 МРОТам. 90 тысяч рублей нам выделяет Минздрав. Очень помогает Усть-Ижорская республиканская клиническая больница под Петербургом: там наши дети и их родители регулярно лечатся, проходят реабилитацию и даже рожают.

– Рожают?

— Да, буквально на днях одна из наших пациенток, заболевших еще в детском возрасте, должна родить в Петербурге. Инфицированные рожали и раньше, но наш случай — первый в мире, так как будущая мама больна СПИДом так долго — 11 лет. Тем не менее у нее есть шанс родить здорового ребенка. Для этого проводится соответствующая терапия и матери, и малышу. К сожалению, у нас в Элисте нет практики родовспоможения больным СПИДом, а Усть-Ижорская больница с 1999 года получила статус научно-практического центра помощи ВИЧ-инфицированным беременным женщинам и детям. Практика показывает, что в 75% случаев при соответствующей терапии как в период беременности, так и после у больных СПИДом могут родиться здоровые дети.

– Но, простите, получается, что инфицированными должны быть оба: и мать, и отец?

— Совсем необязательно. Риск инфицирования СПИДом от больной женщины составляет не более 25%, а при соответствующей профилактике и лечении он может быть сведен практически к нулю. Заразить ребенка внутриутробно теоретически довольно сложно: плацента надежно защищает плод. Как правило, заражение происходит или в процессе родов, или через грудное молоко. Но все-таки основной путь передачи инфекции — через кровь. Это главная наша беда, так как на 100% проконтролировать процесс невозможно.

– Какова сейчас ситуация в Элисте с профилактикой и лечением больных?

— На сегодняшний день в нашей больнице проходят очередной курс лечения 5 человек, 8 детей с мамами находятся в Петербурге. Остальные работают, учатся. Насчет профилактики — вопрос особый. Мы не скрываем, что любому желающему лучше приходить в больницу со своими одноразовыми инструментами. Детские больницы ими обеспечены, а вот во взрослых их не хватает. Кстати, пользуясь случаем, обращаюсь к Елене Батуриной: помогите с финансированием! У нас хватает денег только на тест-системы и кое-какие исследования. А ведь нужны дорогие лекарства, инструменты. Может, услышит?..

– Местные власти помогают?

— По привычке ходим с протянутой рукой, просим помочь кто чем может: деньгами, лекарствами, продуктами. Чаще всего не отказывают, особенно коммерсанты. Так и живем.

– Скажите, можно ли все-таки вылечить СПИД?

— Нельзя. Но можно улучшить качество жизни, дать людям шанс жить, учиться, работать. Самая главная беда наших детей — когда они вырастают. Лет до 15—16 ребенок еще не понимает, что с ним произошло. Когда понимает — это шок. Сильнейший шок. Вместе с пониманием происходит своеобразная ломка, и человек заболевает по-настоящему. Вот это страшно.

На сегодняшний день из 73 заразившихся 10 лет назад в Элисте детей на свете нет 37. В 1999 году у ТЕХ элистинских выросших детей родилось трое малышей. Двое больных, одного еще есть шанс спасти. Еще один должен вот-вот родиться. Дай Бог ему здоровья!

Марина БОЙЦОВА, Евгений ЗУБАРЕВ

Вопрос года?

— Где в Элисте можно пройти анонимное обследование на СПИД?

— В Центре по профилактике и борьбе со СПИДом. Адрес: г. Элиста, ул. Розы Люксембург, 17.

— Передается ли вирус СПИДа бытовым путем?

— СПИДом нельзя заразиться через общую посуду, одежду, через рукопожатия. Однако необходимо иметь в виду, что вирус может проникнуть через любые повреждения слизистых или кожи, через постельное белье или предметы личной гигиены. Главными путями передачи инфекции служат переливание крови, использование общих шприцов или половой контакт.

— Когда можно обнаружить вирус ВИЧ после момента возможного заражения?

— После вероятного риска заражения необходимо подождать как минимум 3 месяца и только тогда сдать анализы крови, которые определят антитела к ВИЧ. Иначе отрицательный результат покажет, что организм еще просто не начал выработку антител. При отрицательном результате необходимо повторить анализ через полгода. Если и он будет отрицательным, можете вздохнуть спокойно и впредь предохраняться.

— Возможен ли абсолютно безопасный секс, если я в партнере не уверена?

— К сожалению, стопроцентно безопасного секса нет. Единственным и самым надежным средством пока считается презерватив, но и он, как известно, может порваться, соскользнуть и пр. Если партнер не внушает доверия, лучше воспользоваться так называемой двойной или даже тройной контрацепцией: презервативом, химическими спермицидами, содержащими ноноксинол-9, а затем обработкой половых органов с помощью специальных средств, которые вам предложат в КВД. Имейте в виду, что надежными могут считаться меры предохранения, которые были применены не позже чем через 2 часа с момента возможного заражения.

Следует также помнить о том, что вирус ВИЧ может проникнуть через любые повреждения слизистых оболочек, если между партнерами так или иначе происходит обмен жидкостями организма, в том числе через глубокие поцелуи, анальный секс и пр.

БЕЗОПАСНОГО СЕКСА НЕ СУЩЕСТВУЕТ!

Его придумали транснациональные компании, делающие бизнес на презервативах и хирургических резиновых перчатках. Редакция получила в свое распоряжение уникальную информацию, доказывающую поразительный факт: пропаганда презервативов в качестве идеального предохраняющего средства от вирусных и бактериальных инфекций – рекламный ход, не имеющий научного обоснования.

Нас просто обманывали десятки лет и продолжают обманывать сейчас!

ДОКУМЕНТ

Заключение о пористой структуре исследованного образца резинового материала

Структура материала была исследована с помощью ртутно-порометрической установки фирмы CARLO ERBA «Porosimeter-2000». Обработка, интерпретация и распечатка экспериментальных результатов производились встроенным компьютером с использованием математической модели с цилиндрической формой пор. Полученные данные представлены на прилагаемой гистограмме, из которой видно, что исследуемый образец характеризуется порометрическим объемом, равным 42,9 куб. мм/г. ...Наибольшее развитие объема пор приходится на область с радиусами пор в пределах 6—12 нм., остальные 49% объема практически равными долями распределены в области эквивалентных радиусов 12—1000 нм.

Зам. зав. кафедрой сорбционной техники Санкт-Петербургского технологического института, д. т. н., профессор В.В. Самонин.

Что бы это значило

«Образец резинового материала», о котором идет речь в заключении экспертов, — обычный презерватив, купленный в обычной питерской аптеке. Самой печальной новостью для потребителей презервативов в приведенном выше документа является последняя фраза — о наличии в презервативе миллиардов пор размерами до 1000 нм!

Чтобы вы окончательно поняли, чем это грозит потребителям, приводим размеры самых популярных в России инфекционных агентов:

Вирус герпеса — 150—200 нм.
Вирус СПИДа — 150—200 нм.
Цитомегаловирус — 150—300 нм.
Хламидии — 250—300 нм.
Уреаплазма — 200—500 нм.

Таким образом, надевая «стопроцентную защиту» на самое дорогое, что у вас есть, вы однозначно рискуете заполучить любую из вышеперечисленных зараз. Но, может быть, все не так плохо и наши журналисты просто не разобрались в ситуации?

Слово специалистам

Никита Персианов, главный уролог Приморского района Петербурга:

— Действительно, в последнее время в научных кругах появились сообщения о том, что обычные презервативы не в состоянии обеспечить стопроцентную защиту от заболеваний, передающихся половым путем. В частности, от хламидиоза. Трудно однозначно ответить, так ли это на самом деле. Я занимаюсь проблемой лечения хламидийных инфекций уже много лет, знаю о самых разных путях заражения. Но, на мой взгляд, презерватив остается на сегодняшний день одним из самых надежных способов предохранения, хотя, возможно, и не гарантирующий абсолютную защиту. Если сравнивать с другими средствами — популярным у нас гебитаном (в нашей торговле он продается под названием «До и после») или французским «Фарматексом», претендующим даже на защиту от СПИДа, то самым надежным и проверенным будет, безусловно, презерватив. Вышеперечисленные химические средства ничего подобного не гарантируют.

Анна Терехина, врач кожно-венерологического диспансера:

— Я не могу однозначно сказать, презервативы ли виноваты в массовой заболеваемости хламидиозом, мико- и уреаплазмозом в последние годы. Мне известны случаи заражения партнеров, пользующихся презервативом и не имеющих посторонних контактов, но я не могу быть абсолютно уверена, что пары соблюдали абсолютно все необходимые правила гигиены и презервативы у них были хорошего качества. Но теоретически я вполне допускаю, что презерватив может пропускать отдельные виды вирусов и бактерий.

Дмитрий Коняшин, врач-уролог:

— Никакой презерватив не в состоянии защитить от болезней, передающихся половым путем. Вы готовы постоянно вскакивать из постели, чтобы помыть руки после каждого прикосновения к партнеру? Нет, конечно. А этого вполне достаточно, чтобы на презерватив попали (и остались на нем) болезнетворные организмы. Бактерицидные смазки тоже не способны уничтожить такие «живучие» бактерии, как хламидии и возбудители грибковых инфекций. В принципе даже достаточно провести рукой по губам партнера, а затем этими же немытыми руками надеть презерватив, чтобы подцепить хламидиоз — самую живучую из БППП. Так что мой вам совет: если хотите по-настоящему безопасный секс — то в нескольких перчатках, презервативах, маске и, может быть, скафандре. Боюсь только, что такой секс вам не очень понравится.

Александр Шестаев, доцент кафедры урологии Военно-медицинской академии:

— То, что существующие презервативы не являются защитой от инфекций, для ученых уже не новость. Преступление, что эта проблема умалчивается СМИ и даже, напротив, идет массированная пропаганда о якобы стопроцентной защите, которую предоставляют резиновые изделия. К сожалению, страдают даже специалисты. У меня есть информация о независимом заражении сразу трех ведущих городских хирургов вирусом гепатита В в процессе операций, в которых они, разумеется, использовали хирургические резиновые перчатки. Никаких других контактов с больными у этих хирургов достоверно не было. Аналогичные исследования проводились недавно также еще в нескольких западных лабораториях. Результаты: презервативы имеют огромные поры, в которые свободно проходят инфекционные агенты. Тест на воду, которым обычно проверяют резиновые изделия, бессмыслен — молекулы воды обладают способностью ассоциироваться за счет водородных связей и лишь поэтому не сразу просачиваются сквозь резину.

Пессимистический финал

Никаких советов в этой ситуации мы вам, дорогие читатели, дать не можем. Если вы уже занимались сексом с подозрительным партнером, используя презерватив, сходите к венерологу. Вас там уже ждут не дождутся. Впрочем, один специалист, пожелавший остаться анонимным, посоветовал: надевайте как можно больше презервативов. Два, три, а то и четыре. В этом случае вероятность заражения падает почти до нуля. Но он ничего не сказал про свои ощущения — видимо, их просто не было.

Марина БОЙЦОВА, Евгений ЗУБАРЕВ

Счастья вам всем, хотя бы в Новом году!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Их нравы

Вылет на Элисту в связи с плохой погодой задерживался на четыре часа, поэтому в промежутках между попиванием кофе мы с энтузиазмом знакомились с пассажирами нашего рейса. Нами были обнаружены два студента, отправлявшиеся погостить домой после напряженной сессии в столичных вузах, четыре менеджера, посещающие свои элистинские филиалы офшорной зоны ежеквартально, и поразительная супружеская пара. Она — коммерсант из Якутска, он — коммерсант из Элисты. Они любят друг друга уже восемь лет, но не меньше они любят свой бизнес. Поэтому якутка Нина месяц живет на элистинской квартире калмыка Николая, контролируя якутский бизнес по телефону, а потом они меняют место дислокации, отправляясь в Якутск, и уже Николай садится за телефоны, наяривая в Элисту. И так, повторяем, восемь лет — если это не любовь, то что?

Он шел на Одессу, а вышел к Херсону

К вечеру вторника наш самолет таки взлетел из столичного Внукова, наплевав на метель и прочие природные катаклизмы. Самолетик был, прямо скажем, небольшой — Як-40, на 32 места, — но, как выяснилось в ходе бесед с пассажирами, ничего иного в Элисту давно уже не летает. Более того, ничего в Элисту и не ездит — единственный пассажирский поезд отменили за нерентабельностью.

Спустя полтора часа наш Як бодро кружил над элистинским аэродромом, однако радиоперебранка, доносившаяся из пилотской кабины, не предвещала ничего радостного.

Так оно и вышло: утомленная стюардесса сообщила пассажирам, что Элиста отказывается принимать наш борт по метеоусловиям и мы отправляемся в Волгоград.

К Волгограду мы готовы не были — даже не знали, какой там пьют чай и играет ли тамошний губернатор в шахматы.

Так вот ты какая, Элиста

Описывать наши волгоградские похождения подробно не будем — достаточно сказать, что наш марш-бросок на лихом таксисте, вызвавшемся довезти нас от города-героя до самой Элисты, завершился через семьдесят километров близ региональной границы. Дальше дорога просто исчезала под метровой толщей снега.

— А что, снег убирать здесь не принято? — любопытствовали мы на обратном пути.

— Зачем? — искренне удивлялся таксист. — Он же все равно растает. Вам просто не повезло.

На следующий день наш самолет все-таки сел там, где ему полагалось, — в аэропорту Элисты. Наши летчики, с которыми мы познакомились во время ночных шатаний по Волгограду, уверяли, что отказ принять нас накануне по метеоусловиям напрямую связан с бардаком, царившим в местном аэропорту.

— За последний год там просто разграбили абсолютно все навигационное оборудование, даже лампочки с полос посвинчивали, — объяснили они. — Теперь садиться в Элисте можно только днем, в ясную погоду.

Интересно, как администрация Калмыкии представляет себе создание международного шахматного центра в городе, полностью отрезанном от внешнего мира?

Кстати, у штурмана было свое мнение по поводу нашей неудачной посадки во вторник:

— У них там личный конфликт, у метеослужбы и диспетчеров. Вот они и изгаляются, — сообщил он. — А сегодня девочка и мальчик помирились, вот мы и сели.

Комментировать такое мы просто отказываемся. Ладно хоть сели.

В логове оппозиции

Геннадий Юдин встретил нас в аэропорту. Он был хмур, но вежлив. Впрочем, мы его понимаем: двое суток встречать очередной журналистский десант — занятие утомительное.

Собственно, об этих самых десантах мы и начали с ним разговор, усевшись за чаем в его квартире.

– Геннадий Васильевич, если честно, вас не удивляет, что о политической ситуации в достаточно своеобразной национальной республике должны писать журналисты, прибывающие в Элисту на несколько дней со всей нашей необъятной страны?

— Если честно, то да, удивляет. Но другого выхода я не вижу.

– Неужели во всей республике не найдется десятка местных журналистов, способных объективно излагать информацию?

— Судьба нашей газеты очень драматична — в ней работали отличные профессионалы, но сначала нас подкосил постперестроечный рынок, а потом просто откровенно добивали местные власти. Заметьте, мы не можем печататься в Калмыкии — только в других регионах.

– То есть профессионалы ушли, когда перестали получать достойные деньги за свою работу?

— Да, большинство ушло после многомесячных задержек зарплаты.

– Мы чувствуем себя неловко – на наш вояж сюда Союз журналистов выложил 9 тысяч рублей, на билеты и прочее. Если бы собрать все эти деньги, если бы их выплачивать местным журналистам, можно было бы организовать нормально работающую редакцию?

— Да, здесь это большие деньги. Но не стоит все сводить к деньгам — есть ведь и другие проблемы. Например, те самые профессионалы, ушедшие из редакции, годами не могли найти себе работу по специальности. Потому что все остальные газеты в Калмыкии выживают за счет госбюджета, а потому слишком зависимы от власти. Это были настоящие личные трагедии, но о них здесь мало кто знает.

– Вы подписываете каждый номер «Советской Калмыкии», но при этом вы не являетесь профессиональным журналистом. Вас это не смущает?

— Это долгий разговор. Понимаете, когда убили мою жену, я пережил даже не шок, я просто умер сам. Мне тяжело говорить об этом, тем более вам, совершенно незнакомым мне людям. Просто примите как данность, что я тогда потерял смысл жизни. Я сидел в опустевшей квартире, пил литрами водку и совершенно не пьянел. И когда вдруг появились какие-то люди с телекамерами, стали задавать ненужные вопросы, я подумал, что знаю, чем теперь будет занята моя жизнь. Я доделаю то, что не успела сделать Лариса. А потом позвонили из Москвы, полюбопытствовали — не буду я возражать, если в учредителях «Советской Калмыкии» появятся Союз журналистов России и я сам. Я, конечно, спросил, что это будет означать. Они ответили: это будет означать, что газета будет выходить. И я сказал «да». Можете меня осуждать — я же, как вы уже заметили, не профессионал. Но я любил свою жену, и мне было очень больно, когда ее убили. Единственное, чем я мог ответить убийцам, — продолжить дело Ларисы.

– Значит, вами движет тривиальная месть?

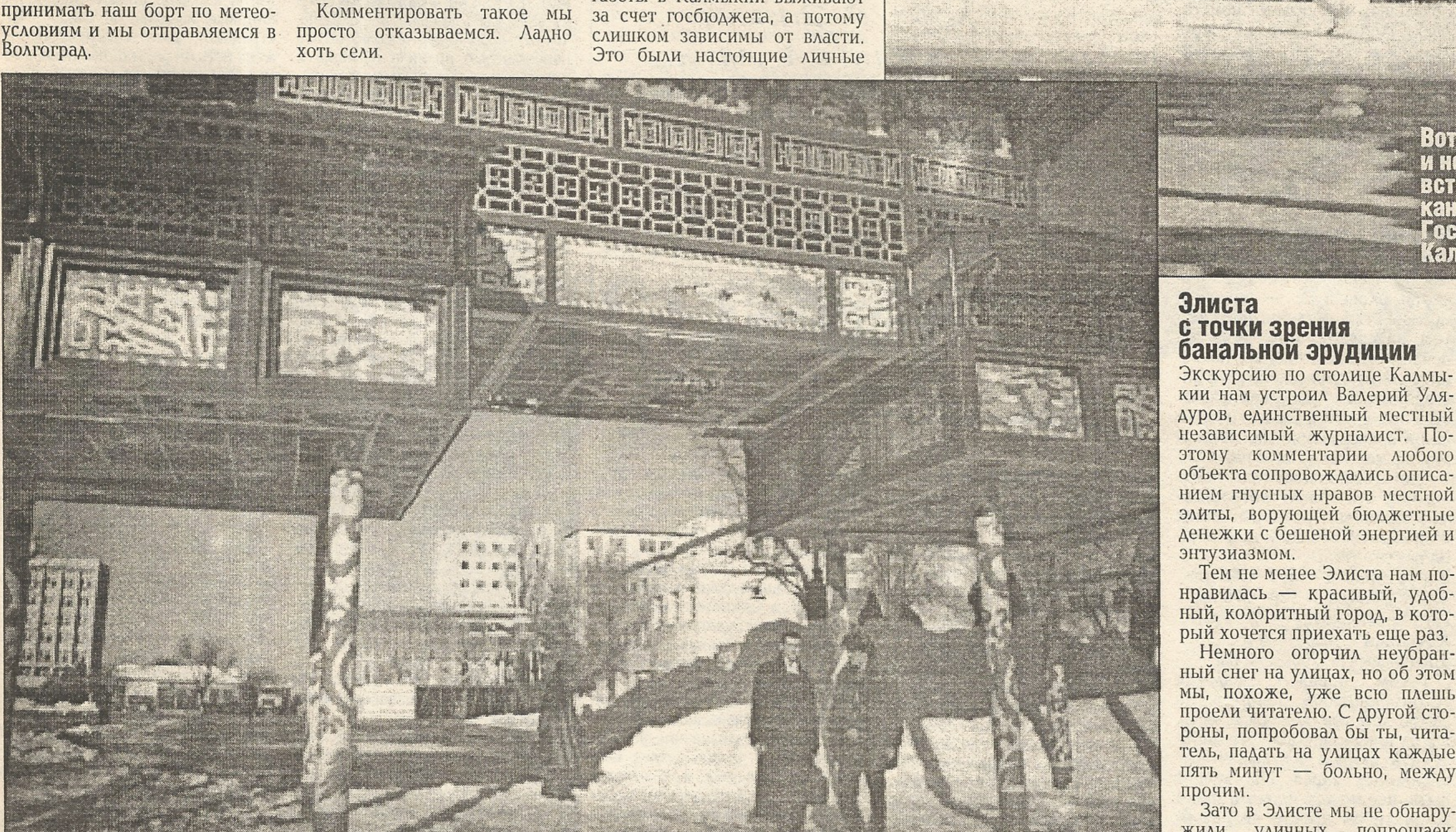
— Тогда, наверное, да. Сейчас уже нет — прошло довольно много времени. Но за это время я многое узнал. Теперь я знаю, чего стоит наша власть, чего стоят заявления нашего президента и как может быть интересна пресса, когда она свободна. И потом, я же живу здесь, в Калмыкии, — может, я и не профессионал, но говорить правду можно, и будучи дилетантом. Главное — не врать. Я живу один, мне терять нечего — уж поверьте, врать я никогда не буду.

– Мы будем описывать только то, что увидим сами. И если нам понравится то, что мы увидели в Калмыкии, мы об этом напишем, несмотря на оппозиционность вашей газеты.

— А я и не призываю вас красить все черным цветом. Вы сделаете свои материалы уже в Петербурге, а затем пришлете готовые полосы в типографию. У меня не будет даже возможности прочитать ваши материалы, не то что их откорректировать.

– Значит, все у нас получится.

Вот в этом дворце так и не состоялись встречи оппозиционных кандидатов в депутаты Госдумы от республики Калмыкия

Элиста с точки зрения банальной эрудиции

Экскурсию по столице Калмыкии нам устроил Валерий Улядуров, единственный местный независимый журналист. Поэтому комментарии любого объекта сопровождались описанием гнусных нравов местной элиты, ворующей бюджетные денежки с бешеной энергией и энтузиазмом.

Тем не менее Элиста нам понравилась — красивый, удобный, колоритный город, в который хочется приехать еще раз.

Немного огорчил неубранный снег на улицах, но об этом мы, похоже, уже всю плешь проели читателю. С другой стороны, попробовал бы ты, читатель, падать на улицах каждые пять минут — больно, между прочим.

Зато в Элисте мы не обнаружили уличных попрошаек, транспортных пробок, обрыдлой рекламы «Кока-Колы» и трясущихся наркоманов на каждом перекрестке. Увы, в нашем родном городе все вышеперечисленное стало общим местом.

Нам понравились лица горожан — открытые, красивые, уверенные в себе люди шли по своим элистинским делам.

Нам не понравились плакаты с Илюмжиновым — Кирсан с Далай-ламой, Кирсан с Папой Римским, Кирсан с большой финансовой шишкой. Нескромно, на наш взгляд.

Нам понравились местные кафушки — поразительно дешевые, разнообразные, с вышколенным персоналом и великолепным ассортиментом блюд.

Нам не понравился рынок — ничего национального, даже сувениров, а товар исключительно китайский.

Нам понравилась местная служба такси — оперативно и, опять же, очень дешево.

Нам не понравилась организация местного праздника Зул — на улицах пусто, все празднуют сами по себе. Непривычно, странно и грустно.

Но все вышеперечисленное не имеет ни малейшего отношения к теме нашей поездки. Тема, если мы правильно поняли москвичей, была такая: Калмыкия в борьбе за демократию.

Нам показалось, что за демократию в Калмыкии борются точно так же, как и во всей России, — натужно, старательно и абсолютно безнадежно. У нас в Питере, по крайней мере, это выглядит точно так, только вместо хана Кирсана у нас есть губернатор Владимир Яковлев.

Впрочем, какая разница — мы живем в одной стране, и только от нас всех зависит, будут эту страну называть великой или вообще позабудут ее название.

Дорогие элистинцы, живите счастливо и плюньте на политиков — вот и все, что мы можем вам сказать.

Немного, да?

Зато искренне.

Евгений ЗУБАРЕВ,
Марина БОЙЦОВА,
уже из Петербурга

Большие Васюки

два взгляда на один город

Сити-Чесс может выглядеть очень фешенебельно...

...а может выглядеть и так, если чуть-чуть сменить ракурс.

К 57-й годовщине депортации калмыцкого народа

Сибирские эскизы

Была середина зимы. Густые сумерки быстро опустились на бескрайние сибирские равнины. Мороз усиливался и крепчал с каждым часом. Несколько воловьих пар, запряженных в сани, лениво брели по заснеженной дороге. Везли переселенцев. Заиндевевшие старики и старухи, накрыв кое-чем детей, сидели в полном безмолвии. Лишь изредка приподнимались над розвальнями, чтобы в темноте разглядеть окрестность: они не знали, куда их везут и где их ждет смерть.

Покрикивал на старых быков здоровенный сибиряк в серой шубе и больших черных валенках. Счастливый человек, думал я, дрожа и трясясь от жуткого холода. Мое легкое пальто было насквозь пронизано ледяными иголками, ботинки превратились в замерзшие кочерыжки. Ноги уже не чувствовали ни тепла, ни холода. Мне было около двенадцати лет. Как и старики, сидевшие на возу, я уже думал о смерти. Превозмогая себя, плелся за обозом, приговаривая детское: «Ох, ох, что ж я маленьким не сдох». Сквозь скрип полозьев моя бабушка, услышав эти слова, надрывно крикнула: «Бича тигж кель, терчн му ёр» (Не говори так, это грех).

— Вы знаете, — вдруг обернулся возница, — я ведь тоже когда-то отгрохал срок на Магадане. За сумку колосков посадили. Но ничего, выдюжил. Когда вышел на волю, купил на вокзале сто пирожков с картошкой и тут же их съел. Цо-об, цобэ, пошевеливай.

— Но нас ты же не в тюрьму везешь? — спросил кто-то на возу.

— Конечно, нет. К полуночи доберемся до колхозного села.

...До войны наша семья проживала в одном из городов Северного Кавказа. Когда отца забрали на фронт, мы с матерью часто ходили на рынок торговать всякой мелочью: луком, петрушкой, редиской. На покупку продуктов получалось, а на большее — нет. В пять утра меня посылали занимать очередь в горпо за хлебом. Иногда мы ходили вместе с соседкой, русской девчонкой Люсей Воловодовой. Полусонные, мы выстаивали длинные очереди, чтобы взять хлеб по карточкам. Мы были ровесниками, но Люся рассуждала по-взрослому. Вот наши отцы победят фашистов, и наступит мир, говорила она. Жизнь станет лучше, появятся бублики и конфеты. Еще она мне часто напоминала о том, чтобы я крепче держал в руках хлебные карточки. Потерять их в ту пору было смерти подобно.

На окраине Ставрополя в те военные годы было много заброшенных окопов, в них мы прятались от бомбежек. На нашей улице Люся была «главнокомандующей». Она одна из первых, услышав гул самолетов, громко вскрикивала: «Воздух! В укрытия!». Вся пацанва тут же быстро ныряла в траншеи. Выходить из них мы могли только после Люсиной команды. Так она оберегала наши жизни. Будучи серьезной и красивой девочкой, да к тому же круглой отличницей, она постоянно верховодила мальчишками с нашей улицы. Мы всегда были на ее стороне.

Ко мне, видно, как к нерусскому мальчику, Люся относилась снисходительно, а может быть, и уважительно. Иногда она приносила в окопы кусок пирога или хлеба, делила на мелкие части, потом раздавала каждому. Мне давала первому, приговаривая: «Это Ивашке, это Желтку, это Цыгану...». У каждого из нас была кличка. Не было ее только у Люси.

Однажды, в канун Нового года, рано утром в наш дом пришли военные и заставили быстро собраться «в дорогу». Вас выселяем, имущество все остается, говорили они. На сборы два часа. Бабушка и моя мама горько зарыдали, приговаривая: «За что же вы лишаете нас крова?» Сбежались соседи, подняли вой. Среди них я увидел Люсю, чуть поодаль стояла ее мама. Вдруг Люся вышла вперед и, повернувшись к военным, сказала: «Зачем вы их трогаете?». Я же, не желая выглядеть беспомощным, сделал шаг вперед и спросил: «Когда мы вернемся назад?». Но конвоиры не желали отвечать на детские вопросы, они торопили взрослых.

Нашу многодетную семью выгнали на улицу и заставили взбираться на грузовую машину. Это были последние минуты расставания с родным очагом, с соседями, близкими людьми. В сторонке стояла Люся, на ее глазах выступили слезы. Я не знал, что сказать напоследок нашей «главнокомандующей». Комок подступил к горлу. Мы были детьми и потому не умели говорить высокопарных слов. Мы смотрели друг другу в глаза, казалось, прощались навсегда. Когда тронулась машина, Люся негромко крикнула: «Ивашка, ты займи верхнюю полку. Пусть бабушка едет на нижней». Господи, какая наивность, какие святые слова! Я утвердительно кивнул Люсе, что выполню просьбу. Но, как оказалось, отправили нас не в пассажирских, а в холодных товарных вагонах. Пятнадцать суток мы были заключены в вагоны-темницы. Никто не знал, куда везут степняков.

...Уже было далеко за полночь, но села так и не было видно. Казалось, что волы не движутся, а стоят на месте. Вокруг ни зги, как будто мы оказались в безжизненном пространстве. В этой зловещей тишине вдруг раздался тонкий вопль: «Мамочка, ну когда же я умру?» Это были слова моего умирающего от холода младшего брата Виталика. В пути ему исполнилось три года. Не дотянул братик до села в ту ночь, прямо на розвальнях при сорокаградусном морозе ушел в мир иной. «Ну, выгружайтесь, — сказал возница, когда мы добрались до села. Глянув на мертвого мальчика, добавил, перекрестившись: — Жалко, что умер. Красив был малыш».

Через несколько лет мы попали в одно молдавское село. По словам матери, там люди жили хорошо. Из-за отсутствия жилья нас разместили в небольшой каморке на одной из животноводческих ферм. Каждое лето мать нанималась пасти скот, тем и зарабатывали на хлеб насущный. Мы со старшей сестрой ходили в подпасках. Молдаване исключительно доброжелательные и гостеприимные люди.

Как-то глубокой осенью мать послала меня за картошкой к одной хозяйке. Штырбу жили на самом краю большой улицы. Во дворе было чисто и ухожено, пахло свежевыпеченным хлебом.

— Вэй, чей же это черноглазый молодец к нам пожаловал, — раздалось вдруг из-за густых деревьев.

— Буна дзэу, тетя Штырбу, — ответил я и сказал, зачем пришел.

— Вэй, вэй ту штий молдованешти? (Ты знаешь молдавский?) — обрадовалась хозяйка. — Ну проходи в дом, гостем будешь.

У меня было много времени. Я должен был обойти еще несколько хозяев, чьих коров мы пасли, и взять молока, крупы, чтобы вечером сварить кашу. Пока я размышлял о своих пастушьих делах, из дальней комнаты вышла хозяйкина дочь, моего возраста примерно, с довольно красивой внешностью.

— Как тебя зовут, ты пастух? — спросила она, словно вонзила в меня шпагу. — Ты не стесняйся, у нас в роду было много пастухов. Садись к столу.

Несколько минут мы с ней разговаривали на молдавском, потом на русском. Звали ее Ляной. Мое имя она чуть-чуть изменила и стала называть несклоняющимся Иванэ. Спросила, где мой дом, намеревалась прийти в гости.

— У нас дома нет, — ответил я. — Мы живем на колхозной ферме.

От Штырбу я уходил богатым человеком. Мне дали ведро картошки, кувшин ряженки и две буханки ржаного хлеба. Дома от этой снеди были несказанно рады. Бабушка и моя мама тут же помолились Бурхану (Богу), пожелав этой семье благополучия и доброго здоровья. В каморке было тесно для нашей семьи, поэтому после ужина я уходил на свою «жилплощадь» — спал в яслях заброшенного коровника.

Однажды в зимнее время, поздно вечером, у ворот коровника раздался девичий голос. Я выглянул из яслей и тут же чуть не оцепенел от страха: в мою сторону шла Ляна.

— А-а, буне сарэ (добрый вечер), — весело произнесла она. — Так вот где твой дом, как к тебе забраться? Я принесла тебе, Иванэ, мамалыгу. Мама послала.

От стыда и смущения я потерял было дар речи. Пока я что-то отвечал ей невнятно, Ляна забралась ко мне в ясли. Достала горячий горшок с мамалыгой и деревянные ложки. Боясь ее обидеть, я принялся робко за трапезу. Мамалыга — главное блюдо молдаван. Как рассказала Ляна, готовится она из кукурузной муки, коровьего масла и специй. Лучше всех умеет готовить мамалыгу мать Ляны. Об этом знало все село.

— Ты, наверное, тут мерзнешь. Сядь ко мне поближе, — сказала Ляна и расстегнула свой теплый полушубок.

В тот вечер она спрашивал меня обо всем. Отвечал я будто бы складно, а на один вопрос: почему я не хожу в школу — замешкался. Выходило так, что если я пойду учиться, то мать моя не справится с работой, и мы останемся снова голодными. Но как бы там ни было, я дал Ляне слово, что обязательно стану ходить в школу.

Когда мы прощались, она, наверное, забыла, а я не напомнил о ее черепичном горшке, в котором Ляна приносила мамалыгу, потому что по калмыцкому обычаю пустую посуду не возвращают. Положить же я ничего не мог, мы были бедными пастухами.

Как-то вечером нас всех собрала наша мама и сообщила, что будем переезжать ближе к районному центру, там много всякой работы, и что всем нам надо когда-то учиться. Через несколько дней за нами на лошадях приехал дальний родственник и увез на новое место жительства. Я закончил школу и уехал учиться на Урал. Ляну я больше не встретил, но ее черепичный горшочек храню до сих пор. Как-то сложилась ее судьба? Имя Ляны вспоминаю с особым трепетом и волнением.

Много времени прошло с той сибирской поры. Мне пришлось поработать и в России, и за рубежом. Большую часть своей жизни отдал журналистике. Как-то еще при жизни редактор Лариса Юдина послала меня на одно предприятие в восточную промзону Элисты. Справившись с заданием, я шел через пустырь к автотрассе. Вдруг меня окликнул девичий голос. Я обернулся. Боже мой, передо мной стояла похожая на Ляну молодая девушка.

— Я из Молдавии, — сказала она, — нахожусь в Калмыкии недавно. Вот продаю книги. Купите.

— Как вы здесь оказались? — недоумевал я. — Тут же пустынно и нет никаких покупателей. Вам надо в город идти.

— Но зато вы здесь, — улыбнулась она точь-в-точь, как сибирская Ляна. — Нас судьба с вами свела, — и она снова веером развернула несколько церковных книг: — Купите.

Мне зело хотелось спросить ее имя, но очень боялся, потому что мог услышать совсем другое. И потому, купив одну книгу, направился в редакцию. Пусть еще одна Ляна живет в Калмыкии.

И. КАРАТАЕВ

Журналистом

можешь ты не быть, но человеком быть обязан

Здорово, что в Калмыкии так много человеков

На каждого неприветливого элистинца приходится как минимум десять приветливых. Давно мы не встречали столько милых, улыбчивых и отзывчивых людей. Для нас, приезжих питерских журналистов, открывались все двери, люди, которым до нас по большому счету нет ровно никакого дела, охотно соглашались встретиться и всяческки нам помогали. Вот уж точно никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. В родном Питере можно в доску разбиться, пока достучишься до мало-мальски важного чиновника. А тут: звоните, приходите, мы рады, что вы пришли. Долой столичный снобизм — да здравствует демократия!

С первого звонка согласился на интервью (состоявшееся, кстати, на следующий день после суда над убийцами Ларисы Юдиной) судья Верховного суда республики Калмыкия Александр Шевченко, никаких препятствий мы не встретили в Центре по профилактике и борьбе со СПИДом — милейшая Дина Санджиева, главный врач центра, охотно общалась с нами часа три. Совершенно покорил умный Виктор Куюкинов — один из крупнейших калмыцких предпринимателей. Если бы не новогодние праздники, на которые мы так некстати (или кстати?) попали, мы бы и до Кирсана Николаевича добрались.

Единственной дверью, оказавшейся для нас закрытой, были ворота предвыборных штабов Елены Батуриной. Зачем размещать контору и вешать табличку, если там никого нет? Впрочем, как позже выяснилось, настоящий штаб размещается совсем в другом месте, а «рога и копыта» в центре — так, видимость.

Единственным человеком, категорически отказавшимся встретиться, оказался, как ни странно, руководитель Инспекции по защите свободы печати и СМИ Николай Манджиев. Несмотря на наши слезные мольбы о хотя бы пятиминутной беседе, Николай Церенович упрямо твердил одно: с мертвыми разговаривать нет смысла, так как по странному стечению обстоятельств руководимую им инспекцию давеча расформировали. Вместо объективного рассказа о том, как живет-поживает независимая печать Калмыкии и как ей помогают защитники гласности, Николай Манджиев по телефону 15 минут развлекал ваших корреспондентов воспоминаниями об учебе в Петербургском университете и регулярно отсылал к своим питерским коллегам. А жаль: проблема защиты гласности и печати в Калмыкии нас особенно интересовала. Впрочем, эту проблему нам тоже удалось решить. Но об этом ниже.

Валера – главный оппозиционер

Геннадий Юдин познакомил нас с единственным сотрудником «Советской Калмыкии» — журналистом Валерием Улядуровым. Валера начал работать в газете еще при Ларисе Алексеевне. Главный редактор заметила, что пробивной парень ничего не боится и неплохо пишет. Не трусит и хорошо пишет и сейчас. Разумеется, мы не могли с ним не встретиться.

— Не боишься? — первый наш вопрос.

— Отвечать честно или как надо? Если честно — боюсь. У меня маленький ребенок (6 месяцев) и юная жена. А с другой стороны, кому я нужен? Если меня убьют, как Ларису Алексеевну, вся страна на уши встанет. Но я — не герой.

Несмотря на внешнюю браваду, Валерий не лукавил. Из «Советской Калмыкии» в последние годы ушли все профессионалы. На первый взгляд причина банальна: в газете стало невозможно работать. С 1994 года редакция переезжала 7 раз — каждый раз «по объективным причинам». Потом изъяли компьютеры. В 1996 году едва ли не вся редакция мощной профессиональной газеты вынуждена была пойти в вынужденный отпуск без содержания. А ведь у всех сотрудников — семьи, дети, которые хотят хотя бы изредка есть и жить в безопасности. Геннадий Юдин не в обиде на бывших сотрудников. Он все понимает. Кроме святого идеализма, есть объективные обстоятельства. И часто они оказываются сильнее всего прочего.

Целый день Валера был нашим проводником и гидом в калмыцкой столице. Его узнавали люди, здоровались. А мы сначала невзначай поглядывали, нет ли «хвоста». «Хвоста» не было. Мы действительно никого не интересовали. По крайней мере, на первый взгляд.

Валерий показывал нам мертвые, неработающие заводы, ДСК, который за последние годы не построил ни одного дома, темные улицы, потому что нечем платить за электричество, грязные, заснеженные тротуары, потому что нечем платить дворникам, элистинцев, торгующих на рынке только потому, что другой работы на родине нет, рестораны и кафе, куда ходят приезжие, потому что у большинства элистинцев нет денег.

— Жена обижается, что никуда ее не вожу. А для нас 100 рублей на вечер в ресторане — большие деньги, — вздыхает Валерий.

Тем не менее Валерий Улядуров не собирается никуда уходить из «Советской Калмыкии». О Ларисе Алексеевне отзывается с огромным искренним уважением и признательностью. С Геннадием Васильевичем просто дружит. Работает изо всех сил, ногой открывая двери любых кабинетов. Двери, кстати, открываются, несмотря на заведомо известную позицию журналиста. Даже в пустом мрачноватом шахматном городе Валерий умудрился поставить всех буквально на уши своими провокационными вопросами о том, кто и какой кабинет здесь занимает, сколько платит правительство своему любимчику «Уралану» и сколько народных денег во все это великолепие вбухано. Нам показалось, что Валерий абсолютно искренен в своих порывах и в своем профессионализме. Он, правда, переживает за свою родину.

Мы прошли вместе с Валерием под Воротами Желаний и загадали, чтобы и у него в семье, и у него в газете, и в его республике все было хорошо. Чтобы не убивали журналистов, чтобы заработали заводы, чтобы элистинцам не пришлось торговать привозными китайскими шмотками, а работать там и так, как бы они сами этого хотели. Валера сказал, что все желания должны исполняться.

Редакция – она и в Калмыкии редакция

Валерий Улядуров — хорошо, но объективность — лучше. Поэтому в последний день пребывания в Элисте мы решились на рискованный шаг — пошли в незваные гости к коллегам из газеты «Известия Калмыкии». Морально готовясь к встрече с заведомо проправительственными журналистами, настраивали себя на самый что ни на есть суровый лад. На самом деле все оказалось совсем по-другому.

Светлана Михайлова, корреспондент «Известий Калмыкии» и шеф-редактор «Элисты», сначала встретила нас не то чтобы очень радостно, но вполне радушно. Посоветовала, с кем можно встретиться и куда пойти, познакомила с и. о. редактора — Галиной Хейчиевой. Кстати, Светлана — одна из немногих в Калмыкии профессиональных журналистов. До прихода в «Известия» работала в той же «Советской Калмыкии». Вопрос, почему ушла, прозвучал нетактично, но Светлана ответила честно: «У меня ребенок, его надо кормить».

Вечером, сделав все необходимые дела, мы снова вернулись в редакцию «Известий». И попали с корабля на бал, то есть на небольшой импровизированный праздник. У компьютерного гения газеты Славы был день рождения. Слава был искренне рад питерским журналистам — он, оказывается, жил в нашем городе и даже чуть было не женился на петербурженке. Через 5 минут мы начисто забыли, где находимся: в далекой Калмыкии или в своей собственной редакции. Редакция газеты — она везде редакция. И когда коллеги собираются за столом с интернациональными солеными огурцами, водкой и разномастными битыми чашками, становится как-то все равно, кому принадлежит газета и кто с кем воюет. Люди — они везде люди. Тем более журналисты.

Через час наши элистинские коллеги подозрительно зашевелились. Мы подслушали до боли знакомые разговоры: «У кого занять, гонорар-то только завтра?.. Неудобно перед гостями».

Покажите нам такую редакцию в стране, где никто не говорил этих заветных слов?! В общем, весь вечер мы провели в фирменном кафе элистинских журналистов с профессиональным названием «Офсет». «Суровые проправительственные журналисты» оказались на самом деле славными и честными ребятами. Нам, ей-богу, было даже неловко: шли в лапы к кирсановским акулам пера, а попали на обычный профессиональный междусобойчик.

У них те же проблемы, что и у всех нормальных людей не очень нормальной страны. Художница газеты Бая переживает: дочка подрастает и требует непременно прокладки «олвейс». А где их взять, если зарплата — ровно 10 пачек этих самых прокладок? Двухметровый обаятельный Саша-компьютерщик регулярно из ресторана отзванивается жене: деньги еще не получили, но скоро буду. Света Михайлова волнуется: ребята, вот об этом писать не надо. Нам еще здесь жить.

Не будем.

Ребята все понимают. Им нечего терять, кроме своей работы. Но они — профессионалы. И мы — тоже. И пускай кто-нибудь назовет нашу профессию второй (или даже первой) древнейшей, но за один вечер с умной Баей, со Светой Михайловой, с Сашей и Валерой, с суровым (как и во всех редакциях мира) ответственным секретарем Надеждой можно, ей-богу, слетать за тысячу верст.

Прощаясь с Элистой, мы снова пришли под Ворота Желаний — замечательная, надо сказать, традиция. И пожелали мира этой маленькой республике, где так добры люди и так нелегко им жить. Впрочем, где сейчас легко?..

Марина БОЙЦОВА, Евгений ЗУБАРЕВ

— Эх, сменить бы пешки на рюмашки

Калмыцкая кухня – роскошь, а не средство пополнения желудка

Нельзя делать из еды культ! — сказали мы сами себе, потратив три дня на поиски настоящей калмыцкой кухни и так ее и не найдя, но досыта отъевшись традиционной европейской. Обжорство — большой грех! — говорили мы себе еще неоднократно, прогуливаясь по многочисленным кафешкам и барам столицы. Нам простительно: очень кушать хотелось, а что где вкусненького и, что немаловажно, дешевенького, мы еще не знали — первый день все-таки. На второй и третий у нас составилась некая картина элистинского общепита. Надеемся быть объективными: наши желудки — тому свидетели.

Несмотря на то, что заявились мы позавтракать в кафе «Сиреневый туман» в самый Зул, да еще в 10.30 утра, нашему вниманию были предложены чанахи, шашлык из свинины и некий рыбный салат под названием «хе». Чанахи и шашлык оказались вполне съедобными, а вот с «хе» нам не повезло. То ли местные повара решили, что гостям столицы что ни рыба — то хе, то ли еще по каким причинам, но вместо вожделенного «хе» лежали два кусочка селедки с картошкой. Официантка, правда, потом честно в этом призналась.

Бар «Восточная кухня». Очень хотелось отведать нечто национальное, но не получилось: в 11 утра в этом заведении в наличии имелись только безики. Их мы уже пробовали.

Зато повезло в «Востоке» — кафе-столовой в самом центре Элисты. Правда, меню разнообразием не отличалось: все те же безики и бараний суп, но зато очень дешево и вкусно.

Решив немного поэстетствовать, заглянули в пивной ресторан «Якорь». Если бы не отчетливый запах туалета, сразу при входе ударяющий в нос, там было бы вполне прилично. За «Балтику», которая нам в Питере уже несколько осточертела (но пивной ассортимент, увы, разнообразием не баловал), и очень вкусные копченые лососевые палочки мы заплатили достаточно скромную по петербургским меркам сумму — около полтинника.

Потом мы попробовали кофе в Сити-Чессе. Хороший кофе по 15 рублей за большую чашку. Попробовали бы его с коньяком, но в ассортименте оказались только водка и пиво. Зато очаровательная любезная официантка.

Побывать в Элисте и не познакомиться с национальной кухней непростительно. Поэтому под вечер Зула мы пошли в «Мирабель» — как-никак, ресторан, да еще в самом центре. Не может быть, чтобы там ничего не было! Было, но не то, что нам хотелось. Девушки очень красивые, но сервис изысками не баловал. Во-первых, плата за вход — на наш взгляд, это неразумно и отбивает потенциальных клиентов. Во-вторых, официантка чересчур навязчива: мы не успели открыть меню, как она уже начала предлагать гарнир, который был вовсе не нужен. В-третьих, не оказалось доброй половины блюд, заявленных в меню, а то, что было, оказалось слабенькой копией от заявленного. Скажем, мясное ассорти представляло собой переложенные друг с другом тонюсенькие ломтики дешевой колбасы двух сортов. Для сведения работников «Мирабели»: настоящее мясное ассорти должно максимально полно представлять все существующие сорта мясных закусок, причем в гораздо большем объеме. И в-четвертых, музыка. Мы неплохо относимся к певице Алсу, но слушать две ее песни в течение всего вечера, причем врубленные на громкость, угрожающую жизни динамиков, нашим ушам оказалось не под силу. Удивленные таким слабо выраженным ассортиментом блюд и сильно выраженной музыкой, мы ушли, заплатив за курицу в тесте, это самое ассорти и 100 г коньяка около 300 рублей.

Проблематично оказалось отведать национальную кухню и в остальных кафе и ресторанчиках Элисты. Кафе под названием «Национальная кухня» работало, но готово было нас принять только до 5 часов вечера. В баре «Рика» показалось не слишком уютно. Потом местные коллеги порекомендовали «профессиональный» ресторан «Офсет». Мы пошли.

Обстановка, надо сказать, специфическая: мы сразу вспомнили чувство долга и родную редакцию. Прямо над нашими головами (там, как выяснилось, находится типография) с диким шумом летели в печать очередные номера газет. «Вот «Элиста» пошла. А сейчас «Известия» понесутся...» — комментировали коллеги. В «Офсете» специально для нас приготовили национальное блюдо хурсы-махы и калмыцкий чай. Чай понравился, а вот хурсы оказались ненастоящими: вместо домашней лапши была обычная магазинная вермишель.

Попрощались мы с гостеприимной Элистой в том же «Сиреневом тумане», где и начиналось знакомство. В 3 часа ночи в ассортименте остались лишь чанахи да сохранившиеся от Зула бурцаки. На самом деле очень жаль: элистинские бы цены да к соответствующему ассортименту — все в Калмыкию только бы кушать и приезжали. А с сытым и довольным всегда легче договориться: хоть о нефти, хоть о пенсиях.

Марина БОЙЦОВА, Евгений ЗУБАРЕВ

Этот выпуск газеты «Советская Калмыкия» подготовлен при участии журналистов «Петербургского Часа пик»
Санкт-Петербург, Невский, 81. Телефон редакции 279-25-65. E-mail: hq@chaspik.spb.ru

Учредитель: Геннадий ЮДИН и Союз журналистов РФ

И. о. редактора Г. Юдин

Газета зарегистрирована в Комитете Российской Федерации по печати 13 октября 1995 года.

Регистрационный номер 0141137.

Отпечатано на государственном предприятии «Ставропольская краевая типография Комитета по печати правительства СК», г. Ставрополь, улица Артема, 18

Объем 2 п. л.

Заказ № 2286. Тираж 4 тыс.

Наш адрес: 358000, г. Элиста, ул. Н. Очирова, 29